

1. Идейность как идеология

Первым испытанием «идейности» в культурно-политических дебатах сразу после революции стал конфликт власти с Пролеткультом. Первый же пункт ленинского «Наброска резолюции о пролетарской культуре» от 9 октября 1920 года атакует обобщенные «особые идеи» в документах Пролеткульта, требуя: «1. Не особые идеи, а марксизм»¹⁹. Таким образом, с самого начала идейность сводится к марксистской тенденциозности. Поскольку сам Ленин закрепляет за новой литературой и искусством агитационно-пропагандистскую функцию, для него не актуально энгельсовское требование «скрытой тенденциозности»: его замечания не относятся к собственно литературе, они скорее из области культурной политики. В результате категория идейности становится удобной пограничной категорией, постоянно «дрейфующей» от эстетики к политике. Так, например, для Луначарского в цикле статей «Наши задачи в области художественной жизни», призывающих к популяризации классического наследия, идейность служит критерием отбора авторов, и Луначарский предлагает опубликовать эти произведения в сопровождении «подлинно марксистских предисловий», которые будут иметь «огромное пропагандистское значение»²⁰. Требование подлинно марксистской тенденциозности постепенно сужается до требований пролетарской тенденциозности как ее наиболее «верного» проявления. Пролетарская тенденциозность противостоит нетенденциозной литературе попутчиков, от которых постоянно требуют «заняться своей идеологией» и «равняться по линии пролетариата»²¹. Пролетарская тенденциозность писателя выражается в первую очередь в выборе темы и в освещении ее с позиций пролетарской идеологии.